

АНАТОЛИЙ БАШКОВ

НАТАШКА

РАССКАЗЫ

Анатолий Башков
Наташка. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36055663

ISBN 9785449319531

Аннотация

Сборник рассказов и миниатюр о современной жизни и недавнем прошлом, где авторский вымысел переплетается с былью, долей фантастики и ненавязчивым юмором.

Наташка

Рассказы

Анатолий Башков

© Анатолий Башков, 2018

ISBN 978-5-4493-1953-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАТАШКА

– Не-ет! Прав был писатель, говоря, что человек во второй половине жизни просто обязан становиться консерватором, – я с треском откупорил третью баночку пива, налил в кружку, отхлебнул и перелистнул страницу школьного альбома, – всё-таки во время нашей молодости были свои прелести в жизни. Точнее, это была другая жизнь. Не стоит сравнивать и примеривать. Она просто была другая. А как можно сравнивать день и ночь, к примеру? У ночи свои законы, свои достоинства, у дня свои. Ночь имеет свои прелести, день свои. Спросите о комфорте у поживших за полярным кругом, когда полгода только ночь, а полгода только день.

Я снова отхлебнул из кружки и продолжил листать альбом дальше, внимательно вглядываясь, в такие до боли знакомые и родные лица на старых, любительских чёрно-белых фотографиях. Не то, чтобы ностальгия и воспоминания о молодости замучили, просто одни умные люди вслед за радио, телефоном и телевизором придумали компьютер; другие хорошие и умные придумали интернет, а мои добрые соотечественники присобачили к нему сайт «Одноклассников» и вот теперь, по просьбе одного из них, я выискивал старую фотографию первого выступления нашего ВИА «Цветные рифы» на школьной сцене в восьмом классе. Я не знаю, есть ли у зарубежных жителей подобные сайты? Судя по их фейсбукам и твитерам, «это вряд ли», как говорил товарищ Сухов. Я не великий дока в английском языке, а то бы слазил, конечно, и посмотрел. Просто русский человек заиклен на обществе и на братстве. Сначала, это было школьное и дворовое, потом студенческое братство. Потом у кого как. У кого гаражное, у кого рабочее, у кого производственное или, как сейчас модно говорить, корпоративное.

Хороший день пятница. Располагает к философии. И не только под пиво. Один знакомый немец, впервые побывав в России, не переставал удивляться:

– Всё-таки вы, русские, странный народ. Во всём мире тяжёлым днём считается пятница, а у вас понедельник. Когда мы это поймём, мы, наверное, тоже станем русскими?

– Нет, Вернер, – помнится, ответил ему я. – Для этого надо дышать этим воздухом с рождения, с первого крика и понимать, чем ты дышишь. Многие так и не поняли. Оттого и свалили. И к вам в Германию тоже и теперь, поди, так же недоумевают: почему не можем забыть? Вроде уехали, вроде расстались, открестились и даже постарались выбросить из памяти, а что-то гложет, не пускает, что-то не даёт отрешиться полностью. Понимания нет, а тяга осталась. Она пройдёт у их детей, когда они с первым криком глотнут вашего воздуха.

Я переполз с пивом на диван. Фотография наконец-то нашлась. Это был новогодний бал. Все наши девчонки «а-ля Наташа Ростова» в длиннохвостых белых бальных платьях с обалденными великосветскими причёсками. И мы, четверо разгильдяев с гитарами, в клешах с вшитыми разноцветными клиньями, тёмных очках и длинноволосых париках, которые мы целый месяц до нового года клеили из ниток. Воспоминания всплывали в памяти сами собой....

.....

Поезд шёл в Самару. Вечерело. За окном пробегали заснеженные сосны, то вплотную приближаясь к полотну дороги, то словно испугавшись грохота поезда, стремительно отскакивая в стороны и тогда навстречу робко и осторожно, выходили покосившиеся тёмные домишки какой-нибудь дере-

веньки. Солнце, сквозь морозное марево, казавшееся огромным красным диском, уже на четверть скрылось за дальним лесом. Снег на лапах пронесившихся сосен приобрёл багряный оттенок, тени удлиннились и почернели.

В вагоне заметно потемнело, но свет никто не торопился включать. Как я оказался в переполненном плацкартном вагоне этого поезда я не осознавал. Сидя в самой середине на боковушке, опершись локтями на столик, я смотрел в окно на медленно опускавшееся солнце. Знакомые запахи варёных яиц, дорожной курицы вперемешку с креозотом, лёгким дымком из топящегося титана, и конечно, чьих-то носков, абсолютно не раздражали. Напротив, вызывали в памяти воспоминания о студенческой юности в стройотряде проводников. Страсть к путешествиям толкнула тогда меня на работу именно туда, причём на три лета подряд. Работать в плацкартном вагоне мне нравилось больше, чем в купейных. По ночам, когда утомившиеся пассажиры закрывались в своих клетках, вагон становился чужим и холодным. В плацкарте всегда ощущалось биение жизни и твоя сопричастность и переплетение своей судьбы с судьбами других.

Я всё сидел, глядя в окно, и не понимал, что мне нужно в Самаре. Ноги упирались в небольшой жёлтый чемодан под столом. Я знал, что это мой чемодан, но абсолютно не представлял, что у меня там лежит. В голове чётко обо-

значилось, что Самара конечный пункт, хотя железнодорожное прошлое подсказывало, что с востока нет ни одного поезда с конечной остановкой в этом городе. Внезапно, неторопливый гомон разных голосов, бормотание вагонного радио, чей-то смех, вся та какофония вагонных звуков начала как бы отдаляться, четким оставался только перестук колёс. Я оторвал взгляд от окна. Вдоль вагона, придерживаясь за поручни купе, ко мне шла она... Наташка. Первая красавица нашей школы. Моя первая любовь. Я узнал её сразу, несмотря на короткую стрижку. Иссиня-чёрный девчачий «конский хвост», который она носила в те далёкие 70-е, сменило строгое «каре». Но в остальном всё осталось прежним. Не та задорная курносая весёлая и одновременно загадочная девчонка, конечно, а яркая, взрослая и совершенно по-другому красивая женщина. Она медленно приближалась ко мне, покачиваясь в такт движению поезда.

– Наташка! Ты? – сдавленно выдохнул я. Сердце застучало так, что казалось его биение, просматривается даже сквозь одежду.

– Я, Толик. Привет. А ты постарел. Боже мой! Лысый!! – рассмеялась она и села напротив.

Сколько мы не виделись? Лет тридцать, наверное. Я смотрел в смеющиеся тёмно-карие глаза, в которых, искрились лучистые звёздочки, совсем, как тогда, в девятом классе, когда мы первый раз поцеловались. Тогда тоже была зима. То-

же был вечер, только солнце уже село и над парком высыпали крупные звёзды. Мы бесились, кидались снежками, она убегала – я пытался поймать, наконец, схватил и мы, хохоча, упали в сугроб. Мои губы потянулись к её губам, и она ответила. А потом я смотрел на неё и эти шаловливые звёздочки в карих глазах память сохранила на всю жизнь....

– Наташка... Ты... Ты как здесь? Куда едешь? – я что-то ещё бормотал и, не веря своим глазам, провёл рукой по тёплой шелковистой щеке. Она взяла меня за руку и прижала ладонь к губам. Ощущение, что все люди в вагоне куда-то исчезли и мы остались одни стало непередаваемо острым, хотя я по-прежнему видел их всех. Я видел спустившуюся ночь за окном, проносящиеся редкие огни. А нас как-будто прорвало. Мы наперебой вспоминали, как сбежали с уроков всем классом в десятом, и целый день гуляли в лесу, как целовались в подъезде после выпускного и кучу других мелочей, казавшихся давным-давно забытыми. Сколько прошло времени? Час, два, ..., пять. Я не знал.

Обнявшись, мы вышли на каком-то пустом полустанке в густом лесу. Над деревьями висел узкий серп луны и звёзды. Много огромных ярко мерцающих звёзд на бархатно-чёрном небе. Стояла глубокая тишина, которую почему-то абсолютно не нарушал перестук колёс удаляющегося поезда. Три красных огонька последнего вагона уплывали

во тьму.

– Твой чемодан уехал, – тихо сказала она.

– Да, чёрт с ним. Ты тут живёшь?

Она обняла меня за шею, прохладные губы коснулись моих глаз.

– Да. Но ты меня не провожай. Сейчас придёт другой поезд....

В кармане у неё запищал зуммер мобильного. Я, молча, смотрел в её глаза, и тупая боль наполняла грудь всё сильнее и сильнее.....

.....

Мобильник всё звонил и звонил. Я открыл глаза и, оторвав голову от подушки, нажал на кнопку. Альбом соскользнул с груди и фотографии веером рассыпались по полу. Сон. Господи, всего лишь, сон. Голова словно набита ватой. Сварив крепкого кофе, я сел к компьютеру. Тренькнул «Агент». Открыв почту, я увидел, что на «мыло» пришло сообщение от Иринки, нашего бессменного комсорга класса:

«Ребята. Вчера умерла Наташа. Наш класс уменьшился ещё на одного человека».....

ВИТЁК

Эта история произошла в те ещё благословенные годы, когда человек человеку был друг, товарищ и брат. Студенче-

ское братство не ограничивалось одной комнатой. Если дрались, то общага на общагу. Факультет на факультет. Но это было редко. С Витьком мы жили в одной общаге, а потом, когда родители у друга уехали в Крым, то и в одной квартире. Время было хорошее. Конец 70-х прошлого века. Самое время для студентов. На стипендию можно было прожить какой-нибудь бабушке. Нам же вечно не хватало. Поэтому подрабатывали, кто как мог. Витёк устроился в наш драматический театр осветителем. На какое-то время вся, нет, вру, наверное, не вся, но пол-общаги точно, стали завзятыми театралами. Многие, конечно, потом отсеялись. С котромарками не всегда получалось, но девушки Витька любили. Ну, а мы были друзья. У нас статья была особая. Основная фишка заключалась в том, что после спектакля все шли в бар «Дома Актёра» и вот там-то начиналась настоящая жизнь человека, имеющего тягу к искусству. Столько баек, сколько я услышал от актёрской братии, я не слышал ни до того, ни после. Особенно интересны были «ночлежки», когда приезжал кто-то из великих. Мы с друзьями сидели в уголке и, открыв рот, внимали. Довелось мне чокнуться «рюмкой чая» и с Евгением Леоновым. Классный мужик был, кстати, но речь не об этом. Витёк настолько стал своим у актёрской братии, что главный режиссёр театра, уезжая в отпуск, погреть животик на море, оставил его домовничать и кормить своё сокровище в виде попугая.

Попугай был шикарный. Большой ара. С огромным длинным хвостом. Витёк кормил его добросовестно и плотно. Несколько дней. А уж через неделю после общаги он, хоть и наслаждался трёхкомнатным раем хрущёвки, но вдруг заскучал. Скучно с попугаем без девушек почему-то. Поэтому, разжившись бутылкой дефицитного портвейна «777», бутылкой шампанского и «Агдамом» на всякий случай, Витёк пригласил подругу на уик-энд в компании с попугаем и магнитофоном. Что уж там у них произошло, история об этом умалчивает. Но после того как шампанское иссякло, а три семёрки превратились в одну, подруга, махнув хвостом, свалила на место постоянной дислокации, а Витёк, прикончив последнюю семерку, остался в гордом одиночестве. Помня про «Свободу Анжелы Дэвис», а главное про свободу попугаям, о которой так проникновенно кричал Кеша с экрана телевизора, Витёк выпустил режиссёрского Кешу полетать. Душа требовала продолжения банкета и бог или чёрт услышали крик души.

В дверь позвонил сосед. Сосед был в трансе, но с бутылкой водки. Родственные души и соответствующая моменту ситуация способствовали взаимопониманию и душевной беседе. Но накурили много, и, сосед направился к балкону. Тут-то Витёк и вспомнил про друга Кешу, наблюдавшему за развитием ситуации с плательного шкафа. Со страшным воплем, он вратарским броском успел захлопнуть дверь

перед носом, вспорхнувшего было в надежде на настоящую свободу, попугая. Раздосадованный Кеша начал метаться по комнате, выражая всю либералистическую сущность в громких криках. Делать нечего. Допив водку, надзиратели решили восстанавливать статус-кво и возвращать узника совести на своё законное место. Поймать сходу почему-то не получилось. По этому случаю открыли «Агдам». Когда портвейн закончился, попугай из друга превратился во врага. Поэтому и ловить начали соответственно статусу. Кеша был трезвее. Поэтому получалось не очень... Тем не менее, когда Витёк, изображавший загонщика упал со стола, сосед изловчился и схватил таки попугая за хвост. Издав радостный вопль, Витёк бросился к победителю. Но в это время, напуганный воплем, Кеша взмыл вверх, оставив шикарный хвост в руках соседа. Это была катастрофа.

Как потом поймали и водворили нахального попугая в клетку, история умалчивает. Катастрофа в виде хвоста была на столе, Кеша злобно поглядывал сквозь прутья, а главреж должен был вернуться через неделю. В общем, без бутылки в ситуации разобраться было ну никак нельзя. Сосед сбегал, конечно, и после пятой или шестой рюмки вспомнил, что у него есть хороший и фирменный клей БФ. В общем, после того, как Кешу вновь извлекли из камеры и изрядно потрудившись, вернули с помощью клея попугайскую гордость на место, Витёк немного успокоился.

Всё вроде бы наладилось и пару дней Витёк ходил, не то чтобы радостный, но вполне нормальный. На третий день забеспокоился. Попугай ничего не ел, не пил, а сидел, нахолившись на жёрдочке и лишь страшно посверкивал на Витька глазами. Витёк даже ловил мух для него и где-то раздобыл пожухлый банан. Бесплезно. Кеша объявил конкретную голодовку и от злости надувался всё больше и больше. И вот вечером третьего дня с чувством глубокой скорби и сострадания, Витёк снова извлёк Кешу из клетки и, воркуя начал гладить и соболезновать. Как так получилось, что, пробуя приклеенный хвост на прочность, Витёк расколупал заклеенный задний проход Кеша, история опять умалчивает. Но тот фонтан, что вылетел из узника Витьку в лицо, он описывал очень живописно. Кеша сразу похудел, начал жадно кушать и пить и что-то нервно рассказывать Витьку на своём попугайском языке. Что потом сказал, вернувшийся с моря главреж, я не знаю, но поскольку мы ещё два года ходили в театр, видимо консенсус был найден. Правда, домовничать больше Витька в театре никто не просил.

ЧТО НАША ЖИЗНЬ? ИГРА...

Пошёл уже третий день, но Владислав Евгеньевич Домбровский, российский мультимиллионер ещё из первой волны, так сказать «тот самый новый русский», выросший из ма-

линового пиджака, никак не мог привыкнуть к невесомости. Ничего болезненного или неприятного. Просто назойливые ощущения какой-то обнажённости и детской беспомощности, казалось давно забытых с раннего детства. Уже достаточно времени утекло с появления на Международной космической станции (МКС) первого туриста миллиардера Денниса Тито. Сейчас космический туризм приобрёл настолько сумасшедшую популярность, что НАСА и Роскосмос вынуждены были доставить на орбиту и пристыковать к станции новый гостевой модуль, названный «Мечта», который расторопные итальянцы изготовили буквально за полгода. Хотя и деньги, за недельную экскурсию во Вселенную, уважаемые кампании по научному исследованию космоса драли с клиентов немалые. Домбровскому полёт обошёлся в 55 миллионов американских рублей. И это, если не считать некоторых личных пожеланий, отдельно оговорённых в контракте и соответственно отдельно оплачиваемых. В общем, Владислав Евгеньевич должен был стать первым космическим туристом, вышедшим в открытый космос. Для этого был заказан и изготовлен специальный скафандр, мало чем отличавшийся от стандартного «Орлан-М», который олигарх должен был сам доставить на МКС, абсолютное сохранение тайны предстоящего полёта, вплоть до возвращения на Землю и некоторые другие мелочи. Чиновники Роскосмоса, занимающиеся доставкой туристов на станцию устаревшими, но пока так никем и не превзойдёнными по надёжности пилоти-

руемыми «Союзами», уже давно привыкли к причудам толстосумов и особо не обращали на это внимания. Обещание НАСА возить туристов чуть ли не космическими автобусами, так и осталось обещанием. Поэтому Роскосмос успевал стричь купоны, пока это было возможно.

Владислав Евгеньевич принял позу человека, сидящего в мягком кресле, поймал болтавшийся рядом пульт и выключил «иллюминатор». Проплывающая в «иллюминаторе» Земля исчезла и её сменила картинка звездной Вселенной, которая впрочем, тоже погасла через минуту, и иллюминатор почернел, как обычный телевизор. Итальянцы, создавая внутренний интерьер модуля, пошли по пути наименьшего сопротивления и взяли за образец привычные по фильмам многим людям голливудские звездолёты. Дизайнеры были очень удивлены тем, что оказывается на современных космических станциях наличие большого количества иллюминаторов отнюдь не приветствуется. Но выход нашли сразу. Были изготовлены плазменные ТВ панели по форме и дизайну полностью соответствующие голливудскому представлению о космосе, на которые он-лайн транслировали картинку из исследовательского модуля «Купол», в котором как раз и присутствовали восемь настоящих иллюминаторов. Свою детскую мечту стать космонавтом, (а какой мальчишка в СССР образца шестидесятых годов не мечтал стать космонавтом?), Владислав Евгеньевич решил реализовать сразу

после благополучного возвращения на Землю первого космического туриста. Не то чтобы детская мечта преследовала его всю жизнь. К окончанию школы он и думать про неё забыл, просто все мыслимые и немыслимые развлечения, которые можно было получить за деньги, были перепробованы, пересмотрены, пережиты. Но подготовка к путешествию шла, ни шатко – ни валко не один год. И лишь события полугодовой давности стремительно ускорили реализацию проекта. И совсем в другом ракурсе, нежели это предполагалось изначально.

Домбровский взглянул на часы. По его прикидкам времени до выхода оставалось не так уж и много. Стоило, наверное, подвести кое-какие итоги. Страх перед выходом в открытый космос не было абсолютно. Весь последний год он пересмотрел столько телевизионных космических одиссей, столько раз проделал это мысленно, что предстоящее уже казалось чем-то будничным и обыденным. Совсем другие чувства и некоторую тревогу вызывал лишь предполагающийся финал этого мероприятия, о котором во всём мире знал только он один. Но... Решение было принято, финансовые вложения сделаны, мосты сожжены. От своих принятых решений Владислав Евгеньевич не отказывался никогда. По-другому и быть не могло, иначе вместо олигарха Домбровского был бы какой-то другой Домбровский. Несомненно, что решения порою принимались долго, тяжело, скрупу-

лезно взвешенно, но принятым решениям дороги назад уже не было. Даже в отношениях с близкими. Даже с Алёной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.